

Е.В. Бодрова

**«ТАМ, ГДЕ РАСПАД СТРАТЕГИИ,
ДЕЙСТВУЕТ СТРАТЕГИЯ РАСПАДА»:
АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ
О РЕЗУЛЬТАТАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ
(1990-е годы)**

E.V. Bodrova

**“Where there Is a Collapse of Strategy, there
Is a Strategy of Collapse”:
Russia’s Academic Community on the Results of Liberal Reforms
(the 1990s)**

Необходимость разработки и реализации оптимальной стратегии дальнейшего социально-экономического развития России требует серьезного изучения концептуальных подходов к анализу проводимых в 1990-е гг. либеральных реформ – их замысла, процесса реализации, итогов и последствий.

Рядом авторов некоторые аспекты этой проблематики уже ставились и изучались. В частности, реформирование научно-технического комплекса страны и их результаты, обвал высокотехнологичных отраслей производства, кризис инженерного образования и вузовской науки, «утечка мозгов»¹.

Однако первостепенного внимания историков заслуживают, на наш взгляд, сюжеты, связанные с состоянием фундаментальной науки, оценками результатов реформ ведущими учеными страны, предлагаемыми ими в то время рекомендациями, попытками взаимодействия с правительством.

Расширявшаяся источниковая база за счет появившейся возможности введения в научный оборот стенограмм заседаний Президиума РАН, хранящихся ныне в Архиве Российской академии наук, а также материалов парламентских слушаний из фондов Архива Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации позволяет с большей степенью объективности и достоверности исследовать эту проблему.

* * *

Накануне событий, зафиксировавших распад СССР, значительная часть ученых была полна оптимизма. О трагичности момента для страны и науки говорили лишь последний президент АН СССР Г.И. Марчук и поддерживающее его меньшинство присутствующих на Общем собрании Академии осенью 1991 г. Однако и ситуация, и оценки происходящего быстро менялись.

Особенно резкую реакцию ученых вызывали рассуждения о роли государственного регулирования социально-экономических процессов. В 1994 г., в низшей точке промышленного спада, один из главных проводников либеральных реформ Е.Т. Гайдар полагал абсурдной саму идею «мускульным» усилием государства «догнать и перегнать» саморазвивающееся общество. Им предлагался подход, предполагающий отказ от «государственничества» как своего рода религии и чисто рациональное, «западное» отношение к государству².

Однако обещанных либеральными реформаторами эффективных собственников в технологическом секторе обрабатывающей промышленности не появилось, была законсервирована неконкурентоспособная для условий открытой экономики организационная структура отечественных машиностроительных производств. В структуре экспорта все более повышался удельный вес топливно-энергетических и других видов ресурсов. Одновременно в страну импортировались значительные объемы продукции низкого качества, в то время как мощности отечественных товаропроизводителей аналогичной продукции зачастую оставались недогруженными. Углублялся спад производства промышленной продукции, росла безработица.

В январе 1994 г. катастрофическое состояние экономики и научной сферы обусловило призыв к академическому сообществу известного физика, академика Е.П. Велихова, конкурировавшего в то время с Ю.С. Осиповым в борьбе за пост президента РАН, включиться в обсуждение вопроса о том, что «сегодня происходит со страной и куда она идет дальше»: «Понимая свою ответственность за фундаментальную науку, мы должны в то же время понимать, что сегодня в стране кризис происходит со всей наукой, и кризис очень серьезный. И поэтому мы по структуре Академии наук, по ее квалификации должны думать и о науке в целом. Но если мы думаем о науке в целом, то судьба науки будет в значительной степени зависеть от судьбы страны в целом»³.

Е.П. Велихов, в 1991 г. активно выступавший за реформы и переход Академии под юрисдикцию РСФСР, одновременно задавался вопросом, а нужен ли ей такой рынок, если на нем нет отечественного продавца: «...Предполагали, для того, чтобы увеличить инвестиции в страну, нужно освободить экспорт. Освободили экспорт – экспортеры и импортеры вывозят десятки миллиардов долларов наружу, никакие инвестиции в страну не идут и сегодня страна фактически инвестирует Запад, но никто не инвестирует в развитие страны...»⁴. Ученый в этой связи пытался определить, каким путем страна пойдет дальше: «Пойдем ли по линии разрушения существующих систем, понимая, что строить новые системы в условиях отсутствия инвестиций, это тоже в какой-то степени утопия. Пойдем ли мы по пути действительно деиндустриализации и перехода в страну “третьего мира”, тогда будет совершенно ясные выводы для науки. Или все-таки найдем путь в индустриальное будущее?»⁵.

Отвечая утвердительно на вопрос относительно наличия у страны способностей и ресурсов, чтобы их переориентировать с одной цели на другие, академик в то же время выражал сомнение в целесообразности использования экспортного кредита, так как в таком случае в страну попадет только продукция экспортера, а расплачиваться придется нефтью. Ученый полагал необходимыми корректировку действующего закона о недрах и способах распоряжения ресурсами, использование опыта Норвегии, где все ресурсы Северного моря находятся под контролем государства. Участие мировых компаний было возможным, но при условии контроля со стороны государства и нахождения основных акций в руках государства⁶. Норвежский опыт побудил Е.П. Велихова предложить использование советских мощных производительных систем, переориентировав, например, предприятия, создававшие атомный подводный флот, на выпуск нефте-либо газодобывающих платформ и оборудования для шельфов⁷.

Призыв использовать в тот сложный период опыт Норвегии представляется вполне правомерным, так как эта страна смогла добиться от иностранных корпораций, работающих на местном рынке, проведения локализации своих технологий или передачи их норвежским научно-исследовательским институтам. Для этого предусматривалось поощрение и вознаграждение иностранных компаний. В результате Норвегия, которая еще в 1960-е – 1970-е гг. ничем не могла похвастать, к настоящему времени превратилась в мирового лидера в таких сферах, как нефтегазовая, судостроительная, гидроэнергетическая, экологическая, возобновляемая энергия.

Беспокойство Е.П. Велихова вызывало и состояние отечественного авиастроения: «У нас есть авиационная промышленность, промышленность авиационных двигателей масштаба 100-150 тысяч рабочих мест, которая, если она не получит этого рынка, должна будет умереть, потому что столько военных двигателей нам не нужно, эти заводы сегодня работают 2-3 дня»⁸.

Согласно данным экспертов, выступающих на парламентских слушаниях в Государственной думе, при производственной возможности изготавливать до 400 самолетов в год разгромленная к середине 1990-х гг. авиастроительная отрасль не могла произвести и двух десятков⁹.

В декабре 1997 г. Счетной палатой Российской Федерации была проведена комплексная проверка состояния и перспектив развития авиационного комплекса России, включая оценку эффективности использования федеральной собственности, реализации программ развития, целевого использования бюджетных средств в авиационной промышленности и воздушном транспорте России. Аудиторами было установлено, что в результате бесконтрольной приватизации, финансово-кредитной, налоговой и ценовой политики, недостаточной государственной поддержки, запаздывания с проведением структурных преобразований авиационная промышленность и воздушный

транспорт утрачивали научно-производственный и кадровый потенциал, теряли конкурентоспособность на мировом авиационном рынке. В крайне тяжелом положении оказалась система организации и управления воздушным движением¹⁰. По ряду важнейших видов продукции было фактически прекращено финансирование серийного производства. Располагаемые мощности были загружены на 20 %, а на оборону России работало всего 5 % располагаемых мощностей. Закупки самолетов и вертолетов для Вооруженных сил России сократились более чем в 50 раз¹¹.

Характеристика кризисного состояния авиастроительной отрасли в 1990-е гг. была для академика Е.П. Велихова лишь аргументом, используемым с целью обоснования вывода о необходимости включения РАН в процесс поиска путей преодоления кризиса и выбора наиболее оптимальной стратегии дальнейшего развития России. По мнению ученого, Академия наук имела авторитет, «сочетание экономистов и законников», позволяющее создать современную законодательную базу, мощный интеллектуальный ресурс для становления науки о неравновесной экономике, на базе которой возможно было осуществлять не только глобальные макроэкономические оценки, но и обеспечивать эти проекты финансовыми планами и определенными экспертизами. Заклучая свое выступление на заседании Президиума РАН, академик предложил: «...Мы должны сказать, что Россия не может разбазаривать свои ресурсы, она должна связывать эти ресурсы со своим индустриальным будущим... Должен вестись поиск того, как использовать существующие системы, их совершенствовать, реструктурировать... Ломать производственные системы невозможно... Мы должны эти системы реструктурировать под государственным управлением. Мы должны понимать, что не находимся уже в переходном периоде. Мы весь остаток жизни будем жить в этом периоде.... Мы должны создать такой инструмент, который мог бы помочь нам в этот период иметь реальную экономическую макротеорию, построенную на микроанализе, на микропроектах. Мне представляется, что это дело Академии»¹².

Между тем, советник Президиума РАН, выдающийся теплофизик и энергетик, академик М.А. Стырикович, участвуя в обсуждении доклада Е.П. Велихова, оценивал его предложения как уже устаревшую систему. Им самим было предложено использовать «наиболее рациональный, наиболее эффективный путь – путь, который проходили новые индустриальные страны, прежде всего, Юго-Восток Азии». Догонять, делая все самим, «было бы нелепостью», полагал он. Одной из серьезнейших проблем ученый назвал отсутствие в нашей стране методики расстановки приоритетов: «У нас чудовищный дефицит в капиталовложениях и инвестициях. Надо расставить приоритеты и давать деньги только туда, где можно получить быструю и высокую отдачу»¹³.

К рекомендациям М.А. Стыриковича следовало бы прислушаться-

ся: он обладал, по свидетельству друзей и соратников, высочайшим профессионализмом, широчайшей эрудицией, феноменальной памятью, знанием нескольких языков и непререкаемым авторитетом среди коллег, участвующих с ним в масштабных отечественных и международных проектах. Его друзьями были ведущие теплофизики мира – Е.А. Брюн, Е.Р. Эккерт, У. Григуль, физик Л.Д. Ландау, химик В.А. Каргин, востоковед Н.И. Конрад, математик Я.А. Смородинский. Всех потрясали его познания в археологии, истории, живописи, театральном искусстве, музыке, литературе и многих других областях¹⁴.

В ходе обсуждения доклада Е.П. Велихова предьявлялись обвинения в бездействии и к экономистам – представителям академической школы, которые, между тем, в 1994 г. разработали доклад «Социальные, экономические и политические проблемы развития РФ», предназначенный для правительства и президента Б.Н. Ельцина. Он был подготовлен под руководством вице-президента РАН академика В.Н. Кудрявцева учеными Отделений экономики, истории, философии, социологии и права РАН и сотрудниками Международного фонда «Реформа». В частности, учеными рекомендовалось: отказаться «от наивной веры в автоматизм оздоровления экономики», восстановить там, где это необходимо, государственное регулирование, включая поддержку материального производства, стимулирование деловой, в том числе инвестиционной активности¹⁵; ориентировать экономику на решение социальных задач, достижение достойного качества жизни; определить и формировать социальные индикаторы экономической реформы, ее границ и допустимых пределов; создать современное хозяйственное законодательство; перенести на места центр тяжести по осуществлению экономических реформы¹⁶.

В качестве важнейшей стратегии авторами доклада было предложено «пересмотреть роль иностранной помощи в реформировании российской экономики и положить в основу стратегии ориентацию на отечественный научно-технический и производственный потенциал»¹⁷; отказаться как от искусственного форсирования, так и принудительного замедления приватизации крупных предприятий, а также от установления любых «плановых заданий» по приватизации; сдерживать дальнейшее социальное расслоение общества (высокооплачиваемые граждане получали в 27 раз больше, чем низкооплачиваемые, и такой разрыв наблюдался только в России) путем налогового регулирования, борьбы с мафиозными способами обогащения, перераспределения финансовых средств и т.д.¹⁸

В сфере науки и образования, которые существовали в режиме, по определению авторов, «тяжелого выживания», с проявлением «очевидных симптомов их распада», падением престижа интеллектуального труда, предлагалось разрабатывать государственную политику на основе принципа «страна без науки – страна без будущего». Соответственно, был определен и целый комплекс необходимых мер: законодательное установление доли науки в бюджете на уровне

минимум 2,5-3 % ВВП; обеспечение гарантированного финансирования фундаментальных исследований; содействие инновационному бизнесу и другим формам использования достижений науки и производства (льготное кредитование и налогообложение и т.д.); разработка правового обеспечения перехода науки к рыночным условиям; принятие закона о научно-технической политике, научной организации, статусе научного работника. Рекомендовалось рассматривать проблемы науки и образования в качестве общенациональных приоритетов¹⁹.

Этот доклад 15 февраля 1994 г. обсуждался на заседании Президиума РАН. Ход дискуссии также позволяет представить основные точки зрения академического сообщества относительно избранной реформаторами концепции реформ и методов их реализации.

Так, академик Н.П. Федоренко (в то время советник президиума РАН, а ранее – директор Центрального экономико-математического института СССР, сотрудники которого предупреждали о грядущем коллапсе советской экономики) пришел к выводу, что «ни одной программы в стране нет. Мы обманываем себя и обманываем народ. Руководство страны обманывает народ... Есть пожелания, высказывания, лозунги и прочее...». Весьма резко ученый высказался и о реформаторах: «Великомученик Гайдар в своей монетаристской политике разрушил кредитно-финансовую систему страны и так слабо функционирующую... Он приведет нас с вами, если еще не привел, к краху народного хозяйства... И мы не располагаем конкретными предложениями, как остановить это движение вспять»²⁰.

Со своей стороны, Н.П. Федоренко предложил, используя опыт Японии, Южной Кореи и Германии, начать параллельно с другими программами реализовывать аграрную реформу, накормить население, «иначе в стране будет социально-политический взрыв»²¹. Им было предложено «сесть и работать» совместно с аппаратом правительства над такими программами, с описанием конкретных мер и механизмов.

Академик Н.А. Шило, геолог, анализируя истоки кризиса, напомнил о том, что производство в СССР было укомплектовано оборудованием в основном довоенного выпуска. Как в годы перестройки, так и в 1990-е гг. необходимой структурной перестройки осуществлено не было, исторические уроки реформаторы не извлекли²².

Директор Института социально-политических исследований РАН, известный социолог, академик Г.В. Осипов, сославшись на данные, озвученные на заседании Фонда американской республиканской партии, заявил о том, что «за 200 млрд долл. перевалили частные вклады» россиян в зарубежных банках. Серьезной проблемой, отмечал он, являлось отсутствие развития малого и среднего бизнеса из-за двойного налогового бремени – государственного и «рэкета». Эта ситуация стала результатом, полагал академик, реализации очередной утопии. В итоге «произошла страшная, дикая

дифференциация по имущественному признаку нашего общества... Социальная структура напичкана антагонистичными противоречиями и стала взрывоопасной. Идет процесс разрушения интеллектуального потенциала страны в геометрической прогрессии»²³.

Заметим, что сразу после распада СССР Г.В. Осипов прогнозировал, что 1991 г. «войдет в историю как год перерастания социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу»²⁴, предупреждал о порочности и бесперспективности насаждения «перестроечной» социальной мифологии (быстрое вхождение в евро-американскую цивилизацию, демократия в качестве самоцели и т.п.).

Известный экономист Л.И. Абалкин, напомнил о том, что еще в конце 1992 г., выступая на Общем собрании с докладом, подготовленным в Отделении экономики РАН, он предупреждал о приближении «к порогу, за которым начинается необратимое разрушение научно-технического, экономического и генетического потенциала страны. Если не будут приняты неотложные меры, связанные с изменением курса, то этот процесс углубится и станет просто необратимым...». За истекшее время, полагал ученый, страна продвинулась именно в этом направлении, и если в ближайшее время не будут изменены подходы, принципы, направления, методы реализации политики государства, то «Россия никогда больше в истории ни в XX в, ни в XXI в. не возродится как великая держава»²⁵.

Одновременно Л.И. Абалкин предложил охарактеризовать рекомендации, даваемые правительству зарубежными экспертами, как непрофессиональные и некомпетентные. Призывал он и не бояться власти из-за опасения не получить финансирование для научных исследований. С правительством, полагал он, необходимо разговаривать и спорить: «Как только мы встали на этот скользкий путь, мы отступили от научной истины, от поиска науки, мы начинаем приспособливать свои выводы в угоду начальству... Но если вы только пошли по этому пути, вы отказались от поиска объективных оценок ситуации»²⁶.

Судя по архивным документам, академик Л.И. Абалкин был во многом прав: руководство РАН в этот период выбрало тактику сбережения Академии во что бы то ни стало, поэтому, действительно, стремилось не раздражать власть. Опасения возможности развала РАН были не лишены оснований. Так, вице-президент РАН А.А. Гончар в 1994 г. признавался: «...Все усилия президента Академии, мои, руководства все эти 2,5 года были направлены против того, чтобы говорить, что у нас все плохо... Я призываю быть осторожными и сегодня, потому что эта инерция на всеуничтожение, по моему, еще не преодолена нашей страной и можно попасть под некие тенденции»²⁷.

Л.И. Абалкин соглашался и с оценкой социального раскола на богатых и бедных как взрывоопасного. Согласно официальным данным

Госкомстата, это соотношение все более увеличивалось: 1 : 5 в 1991 г., 1 : 8 в 1992 г., 1 : 13 в 1993 г. Между тем, мировая практика называла в качестве предельного десятипроцентное соотношение. В результате обнищания и социального пессимизма в 1993 г. от алкоголизма, самоубийства, убийств в России погибло в 10 раз больше человек, чем в Афганской войне²⁸.

Ряд выступлений Л.И. Абалкина и других ученых в то время были опубликованы в «Вестнике РАН», но, как показало внимательное изучение стенограмм, со значительными сокращениями. Поэтому особый интерес представляют именно архивные документы, материалы, которые не были доступны ранее историкам.

В частности, не была опубликована значительная часть выступлений, которые прозвучали в марте 1994 г. на заседании Президиума РАН в ходе обсуждения очередного доклада Отделения экономики и международного фонда «Реформа», озвученного академиком С.С. Шаталиным «Социально-экономические преобразования в России: современная ситуация и новые подходы». Текст доклада был направлен в правительство, Государственную думу, президентам «Семерки», в МВФ и Европейский банк. Напомним в связи с этим, что еще в декабре 1998 г. С.С. Шаталин был назначен членом Государственной комиссии по экономической реформе, затем возглавил рабочую группу по разработке программы перехода к рыночной экономике и Международный фонд экономических и социальных реформ «Реформа».

Мнения о нем и его деятельности весьма противоречивы.

Так, сотрудники Института народнохозяйственного прогнозирования В.Г. Гребенников и О.С. Пчелинцев пишут, что С.С. Шаталин являл собой ярчайший пример борьбы со злом, которое в самом широком смысле можно назвать «духом застоя», и относят его и Ю.В. Яременко к поколению, основной чертой которого являлось сочетание идеализма, исторического оптимизма, рожденного модернизацией СССР, и самого беспощадного реализма в характеристиках положения в экономике и реализуемой политики. Авторы категорически отрицают вину экономиста за «неряшливо проведенные» рыночные реформы, волна которых «грубо обошлась» с его идеей «поиска оптимального баланса между основными функциями и формами распределения доходов»²⁹.

Все значимые научные труды С.С. Шаталина были опубликованы в советское время. Основные положения его доклада, озвученного в РАН 1994 г., сводились к следующему:

- 1) реализуемая экономическая политика не привела к тем результатам, которые были частично публично, частично закрыто декларированы;
- 2) правительство не сумело адекватно решить социальные проблемы, связанные с проведением экономической реформы;
- 3) правительство по существу не занималось исследованием

структурно инвестиционной, промышленной, индустриальной политики.

4) политика в области приватизации «тоже оказалась не самой удачной», так как в реальности была оторвана от структурной политики и от национальных приоритетов в области структурной политики, часто проводилась по административному плану;

5) тезис «увести государство из экономики» себя не оправдал – наоборот, реальный уход государства и многих сфер экономической политики породил мафиозность, усилил коррумпированность экономики, которая часто контролировалась уже не государством, а другими структурами.

Вывод докладчика заключался в обосновании необходимости вернуть государство в экономику, во все сферы жизнедеятельности общества, определить национальные приоритеты, так как только при сильном государстве можно построить сильную рыночную экономику.

Анализ выступлений в ходе обсуждения доклада позволяет констатировать разочарование присутствующих и в теоретических изысканиях отечественных экономистов, и в практике реализуемых реформ, и в предложенных рекомендациях.

Так, И.М. Макаров, академик РАН по Отделению нанотехнологий и информационных технологий, Главный Ученый секретарь РАН, основатель и руководитель кафедры «Проблемы управления» МИРЭА, говорил о желании услышать не лекцию, а конкретные предложения³⁰.

Еще более определенным в оценках был академик, главный научный сотрудник Института сверхпроводимости и физики твердого тела Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» Ю.М. Каган: «Это не программа, а декларация о намерениях... Документ нужно писать не для правительства, а для страны... Вся страна ждет от экономистов модели, как уходить от того, что мы имели, к тому, что мы хотим. Модели нет... В этой декларации нет главного – что мы должны ввести очень существенное регулирование со стороны государства... Рынок не сработал... В монетаристской идее, как и в марксизме-ленинизме, нет человека. Поэтому лучшее для монетаристской концепции, если в этой серой массе нижняя часть распределения активных людей вместе с нерентабельными предприятиями ушла бы в небытие...»³¹.

Подобную оценку результатов деятельности Отделения экономики РАН поддержал и академик, выдающийся советский и российский ученый в области радиофизики, радиотехники, электроники, информатики, радиоастрономии и криптографии А.А. Котельников, который отметил, что в документе есть предложения, но не указаны способы, каким образом это осуществить. Вывод был весьма категоричен: «Мне кажется, в таком виде он пользы не принесет и может даже принести нам вред, поскольку... скомпрометирует нашу экономику».

мическую науку»³².

Выразил свое удивление и академик, специалист в области аэродинамики, летательных аппаратов и теоретических основ самолетостроения Е.Е. Струминский, констатировавший, что в докладе доказано, что экономика находится в критическом состоянии, в управленческом кризисе. В нем есть предложения, но отсутствует главное – каким образом их осуществлять, какими методами: «У меня есть методы, я могу посчитать и сделать. Ответьте мне, как вы собираетесь это сделать?»³³.

Академик, директор Института внешнеэкономических исследований РАН С.А. Ситарян, один из авторов и идеологов закона «О кооперации» (1988 г.), попытался выступить в защиту доклада, доказывая, что в нем были заложены лишь определенная идеология, стратегия, концепция, но он не являлся правительственной программой. Не допустить дальнейшего спада показателей, характеризующих минимальный социальный уровень, мог тогда только тот, кто, по его словам, «сидит в правительственном кресле: если он выбирает определенную позицию (допустим, пенсию, ...обеспечение, прежде всего, индексацию этого показателя), «тогда мы решаем вопрос, как ее реализовать... Если вы принимаете эту технологию и эту систему, тогда эти предложения могут быть предметом практического обсуждения»³⁴. Экономист полагал, что невозможно было в тот момент проводить какие-либо эксперименты («сегодня всякие эксперименты – это прямые или косвенные формы предоставления льгот»), иначе будет только хуже.

С.А. Ситарян признался, по сути, в кризисе экономической науки, так как произошедший в результате либеральных реформ столь серьезный спад производства ученых-экономистов озадачил. Действительно, динамика промышленной продукции, если за 100 % взять январь 1991 г., удручала: в 1992 г. по отношению к январю 1991 г. – 84,9 %, в 1993 г. – 66,4 %, в 1994 г. – 51,1 %. Вопрос, каким задавался выступающий, выдавал растерянность: «Можно ли только рассчитывать на дальнейшую либерализацию, что придет время и эта политика даст эффект? Или мы должны переходить на ряде участков... на ручное управление? Ведь это вопрос не только стратегии, это вопрос уже выживания, вопрос разрушения самого потенциала... Мы не говорим, что предложения, которые имеются, которые нами сформулированы, самые лучшие и идеальные. Это наше видение, которое, может быть, требует еще более глубокого понимания, может быть, даже меньшей научной предвзятости и т.д. Но это проблемы, которые требуют обсуждения, от них нельзя уходить»³⁵.

Прогноз принявшего участие в дискуссии академика Н.П. Федоренко оказался неутешительным: «Инфляция за январь текущего года составила 21,4 %, спад промышленного производства по сравнению с уровнем 1990 г. – 60 %. По нашим оценкам, полный паралич промышленности может наступить при спаде в 70 % из-за раз-

рыва инженерно-технологических связей...»³⁶. Им был предложен и механизм выхода из кризиса: регулирование денежного рынка, курса рубля, процентных ставок и т.д. Стоило, по его мнению, лишь определиться с методами.

Пытался ответить на вопросы, задаваемые присутствующими относительно денежных потоков, сути причин спада производства и т.п., и Ю.В. Яременко – академик РАН, специалист в сфере межотраслевого моделирования и макроструктурного анализа, заместитель академика-секретаря Отделения экономики, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: «У нас экономика была крайне неравновесной, а телодвижения были крайне резкими. Ясно, что издержки подскочили при неравномерном росте цен, нет покупательной способности. Все останавливается, то есть, мы пришли к нерыночной ситуации». Указывая на поэтапность и осторожность правительств Китая и Венгрии при проведении реформ, он охарактеризовал политику российской власти со свойственной ему определенностью: «Это имитация. Мы уже в течение двух лет видим, как Министерство экономики имитирует. Все документы чисто декларативные». В качестве конструктивных предложений он выдвинул следующие: регулирование цен, частичное их замораживание (на сырьевые ресурсы, например). В этом случае, согласно его прогнозам, могло бы произойти некоторое сближение в структуре цен, это дало бы толчок к росту производства. Требовался отказ от «безупречного либерализма»³⁷.

Действительный член РАН по Отделению экономики Д.С. Львов, основные труды которого были посвящены теории эффективности факторов производства и анализу механизмов функционирования экономики переходного периода, признал: «К сожалению, мы верим не своим расчетам, а зарубежным экспертам, которым платим не рубли, как нам в ЦЭМИ платят, а большую валюту. А вся трагедия в том, что мы, как экономисты, не могли сообразить простую вещь: нельзя рассматривать цены в отрыве от налогов, налоги в отрыве от цен. Надо было синхронно проблему цен связать с налогом... Переходить к рентной системе налогообложения, освободить промышленность от налогов и дать ей возможность развиваться... Одним из чудовищных, главнейших факторов инфляции является кредитная эмиссия... Центральный банк отдавал... по достаточно низким процентам кредит... коммерческим банкам. Те пускали в сферу обращения, в торговлю. Дальше шел автоматический вывоз этого капитала... за рубеж. Прежде всего, надо разобраться в финансовой сфере и навести там порядок, и целый ряд банков надо национализировать обратно и уже потом более цивилизованным путем решать эти проблемы...». Наконец, академиком было предложено: «Раз сегодня ... основной природный ресурс сосредоточен в ТЭКе, а интеллектуальный... технологический ресурс сосредоточен в НГК [Нефтегазовый комплекс. – Е.Б.], в машиностроении, то основная задача – соединить эти две вещи... пойти,

прежде всего, по линии вертикальной интеграции, создания мощных финансово-промышленных групп, и прежде всего, интеграции НГК, машиностроения с ТЭК»³⁸.

Одновременно, ссылаясь на некомпетентность людей в правительстве и их нежелание выслушивать чьи-либо рекомендации, Д.С. Львов предложил объявить конкурс научных работ по созданию моделей экономического развития России на ближайшую перспективу³⁹. Отметим, что в начале 2000-х гг. академик отстаивал необходимость дополнительного изъятия ренты у нефтегазовых компаний⁴⁰.

Обсуждение доклада С.С. Шаталина, на наш взгляд, в полной мере отразило, с одной стороны, определенную беспомощность, продемонстрированную отечественными учеными-экономистами, с другой – желание научной общественности увидеть готовую систему конкретных и безотлагательных мер, в том числе, оперативных, для выхода из тяжелейшего кризиса и, кроме того, разработанную долгосрочную стратегию научно-технического развития России. Однако ни долгожданной программы, ни улучшения ситуации не наблюдалось.

Как видим, точки зрения экономистов относительно оптимальной стратегии экономистов разделились. Вместе с тем, несмотря на разницу в подходах, значительная часть острейших проблем признавалась всеми и характеризовались в целом одинаково в качестве весьма опасных.

Доклад, озвученный еще одним известным экономистом, академиком Н.П. Шмелевым на заседании Президиума РАН, спустя несколько месяцев, в ноябре 1994 г., многих присутствующих шокировал. В частности, в нем характеризовался экономический кризис в качестве итога «тотальной неконкурентоспособности», накапливающейся десятилетиями. А потому, полагал он, потребуются для выхода из кризиса не несколько лет, а несколько десятилетий, усилия двух-трех поколений. Одновременно докладчиком обосновывалась острейшая необходимость осуществления индустриальной структурной политики, но утверждалось, что без угрозы банкротства значительная часть отечественного промышленного потенциала перестроиться не сможет⁴¹.

Рассуждая о протекающем в то время процессе приватизации, ученый охарактеризовал его как «дележку государственной собственности между директоратом и примыкающими к директорам кланами», которые не пустят на рынок ни мелкий, ни средний бизнес. В качестве важнейшей задачи Н.П. Шмелев называл также отказ от дальнейших заимствований: «Наше государство доказало, что оно – заемщик никудышный, деньги тратит впустую, в печку, затыкая дырки, использовать эти деньги не может»⁴². Позднее, резко негативно отзываясь о квалификации и моральных качествах реформаторов (Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и других), он видел главную вину Б.Н. Ельцина в использовании «бандитских подходов»⁴³.

Б.А. Кабанов, член Президиума и академик-секретарь Отделе-

ния химии и наук о материалах РАН, являвшийся одним из мировых лидеров науки о полимерах, создателем крупной научной школы, лауреатом многих премий и членом ряда международных академий, участник ликвидации Чернобыльской аварии, отреагировал на это выступление следующим образом: «Меня очень огорчает, если на самом деле ситуация в экономике такова»⁴⁴. Возражая, в частности, против продажи земли для решения проблемы дефицита бюджета, он задавался справедливым вопросом: «Несколько лет назад мы подсчитывали, сколько стоит бомбардировщик, истребитель, подводная лодка, и если бы это производство прекратить, а эти деньги обратить в бюджет, то действительно, казалось, огромные суммы должны высвободиться. Вот у нас прекратились эти производства в военно-промышленном комплексе, резко сократились инвестиции, заодно погибают и уже погибли необратимо многие передовые технологии, наука. Но где эти деньги? По-видимому, по криминальным и полукриминальным каналам эти деньги, в конечном счете, куда-то ушли и никто от этого пользы не получил»⁴⁵.

Не согласился с оценками Н.П. Шмелева советского хозяйственного потенциала директор Института металлургии и материаловедения имени А.А. Байкова, лауреат Ленинской, Государственной премии СССР, правительства России, Демидовской и других премий академик Н.П. Лякишев, правомерно утверждавший, что в СССР были сферы в каждой отрасли, которые даже превосходили по конкурентоспособности достижения других стран. В частности, 70 % выпускаемой металлургической продукции были вполне конкурентоспособны. И задавал вопрос, ссылаясь на опыт совсем еще недавно неконкурентоспособного Китая: «Не является ли это наше нынешнее состояние следствием тотальных грубейших ошибок или некомпетентности руководителей, которые возглавляют весь этот процесс перестройки, или, может быть, еще даже что-нибудь более опасное?... Производства у нас нет. Теперь под барабанный бой о переходе к рынку мы фактически свертываем товарно-денежные отношения, и дошло до продуктообмена в самом худшем, извращенном, я бы сказал, хищном виде... У нас сейчас стратегии социально-экономического развития нет. Там, где распад стратегии, там все равно действует стратегия распада, хотим мы или не хотим. Так чтобы остановить этот распад, надо иметь четкую и ясную программу действий, а наука с помощью своего коллективного разума должна такую программу выработать»⁴⁶.

Руководитель Центра моделирования устойчивого развития общества в Институте социально-политических исследований РАН, исследователь в области теоретической механики и прикладной математики, академик В.М. Матросов также настаивал на обязанности и Академии «тащить груз накопившихся проблем», на необходимости включения научного сообщества в выработку приоритетов, оптимальной стратегии развития страны, отказавшись от заключений

экономистов, полных безысходности. Необходимо объединить, полагал он, усилия многих институтов для исследования этих проблем⁴⁷.

Однако С.С. Шаталин не вселил оптимизма, уверив, что работы экономистов, многократно посылаемые в различные правительственные учреждения, либо не находили спроса, либо находили незначительный спрос и ложились под сукно. Известным правоведом, вице-президентом Академии наук, академиком В.Н. Кудрявцевым было предложено, тем не менее, не останавливаться на этом и «продолжать бомбардировать... наши правительственные органы различными предложениями, докладами, разработками и программами»⁴⁸.

Действительно, судя по архивным документам, крупные деятели науки и образования, крайне обеспокоенные усилением негативных процессов, регулярно обращались в правительство, Государственную думу, непосредственно к президенту Б.Н. Ельцину. Так, в письме председателя Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), физика, академика В.Е. Фортова в Государственную думу сокращение финансирования фундаментальной науки оценивалось как катастрофическое. В частности, академик вынужден был констатировать: «...Большинство научно-исследовательских институтов практически не функционирует. Происходит распад инфраструктуры науки, развал научных школ и даже приоритетных направлений, “утечка мозгов” за пределы страны и в бизнес... На восстановление ее понадобятся десятилетия... Мы действительно подошли к черте, за которой нас ждут коматозные обвальные явления и гибель науки в России»⁴⁹.

Предотвратить полную катастрофу в научно-техническом комплексе страны В.Е. Фортов пытался во второй половине 1990-х гг. на посту заместителя председателя правительства России, министра науки и технологий, председателя Государственного комитета по науке и технологиям (1996 – 1998 гг.). Но и в 2000-х гг., после избрания президентом РАН, он вынужден был признать, что «наука держится на голом интересе и инерции»⁵⁰.

Непоследовательность, бессистемность действий сменяющих друг друга правительств в области государственной научно-технической политики повлекли за собой беспрецедентное падение авторитета власти в глазах ученых. Так, директор Института прикладной физики РАН, академик А.В. Гапонов-Грехов в 1998 г. заметил: «... Сейчас закона как действующей силы еще нет, а способной помочь власти уже нет. Это обрекает на беспомощность и унижения и простого человека, и администратора, и бизнесмена, и ученого»⁵¹.

Ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Д.Д. Райкова в эти годы также вынуждена была констатировать и отсутствие научно обоснованной стратегии реформ, и печальные последствия их реализации. С точки зрения исследователя, ключевая идея правительственной политики в то время – «формирование мобильного, динамично развивающегося научно-технического потенциала, от-

вечающего современным требованиям и ресурсным возможностям страны» – представляла собой антиномию: ресурсные возможности страны были доведены до такого уровня, при котором формирование научно-технического потенциала, отвечающего современным требованиям, становилось невозможным, а все попытки подогнать науку под государственный финансовый дефицит оказывались «смертельно опасными и для науки, и для общества»⁵².

* * *

Таким образом, изученные документы и материалы позволяют утверждать, что академическое сообщество в середине 1990-х гг. было вынуждено констатировать не только общий паралич социально-экономической сферы, но и отсутствие концептуально проработанной государственной политики реформ, слабость правовой базы и неэффективность управления. Выводы значительной части ведущих ученых сводились к необходимости разработки научно обоснованной, четкой и ясной программы действий, способной остановить деиндустриализацию и демодернизацию страны, развал ее научно-технического комплекса.

Разнообразные (и неравнозначные) проекты, разработанные учеными, предлагались правительству, но обсуждались лишь в научной среде. Отечественные эксперты, согласно их признаниям, оказались у чиновников высокого ранга не в чести. Впрочем, и сама экономическая наука оказалась в кризисном состоянии. В стране возникло коренное противоречие между назначением науки и практическим использованием ее достижений для выхода из кризиса. Приоритеты у власти были иными, а печальные результаты реформ не замедлили сказаться.

Несогласные с унижительным положением ученые, проектировщики, специалисты уезжали за границу. Катастрофическое падение эффективности производства послужило, наряду с утечкой капиталов и «утечкой мозгов», одной из главных причин финансового кризиса 1998 г.

Что переживало научное сообщество в это время, вполне емко и точно описал в марте 1999 г. президент РАН Ю.С. Осипов: «Можно сказать, что почти весь 1998 г. мы жили по существу в условиях чрезвычайного положения, получая, причем, очень нерегулярно, средства в основном лишь на заработную плату... Так называемые “твердые обещания и заверения”... остались невыполненными...»⁵³.

Тем не менее, Российская академия наук выстояла и, более того, по ряду направлений деятельности существенно развивалась. Этот феномен Академии Ю.С. Осиповым предложил изучать историкам⁵³, что представляется нам правомерным и актуальным.

Примечания Notes

¹ *Кодин М.И.* Теоретико-методологические проблемы социально-экономических и социально-политических преобразований в России в конце XX века: 1990 – 2000 гг. Москва, 2002; *Мантуров Д.В.* Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет: Часть 1. Промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 31–48; *Bodrova E.V., Kalinov V.V.* Reformation of the Scientific and Technical Sphere in the Russian Federation in the “Transition Period”: Plans and Reality in 1990s // *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi = Journal of History Culture and Art Research.* 2017. Vol. 6. № 5. P. 192–199.

² *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция // *Гайдар Е.Т.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва, 1997. С. 154.

³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 31. Д. 117. Л. 102.

⁴ Там же. Л. 103–104.

⁵ Там же. Л. 105.

⁶ Там же. Л. 106–109.

⁷ Там же. Л. 110.

⁸ Там же. Л. 111–112.

⁹ Архив Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Архив ГД ФС РФ). Ф. 10100. Оп. 14. Д. 88. Л. 153.

¹⁰ Там же. Л. 197.

¹¹ *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Эволюция государственной политики Российской Федерации в сфере авиастроения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 208.

¹² АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 117. Л. 111–115.

¹³ Там же. Л. 127–129.

¹⁴ *Леонтьев А.И., Мостинский И.Л.* Выдающийся теплофизик и энергетик: К 100-летию со дня рождения академика М.А. Стыриковича // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 10. С. 920–926.

¹⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 122. Л. 18–19.

¹⁶ Там же. Л. 17–19.

¹⁷ Там же. Л. 20.

¹⁸ Там же. Л. 20–27.

¹⁹ Там же. Л. 29–31.

²⁰ Там же. Л. 36–37.

²¹ Там же. Л. 37–38

²² Там же. Л. 54.

²³ Там же. Л. 58–61.

²⁴ *Осипов Г.В.* Мифы уходящего времени // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 3.

²⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 122. Л. 68.

²⁶ Там же.

²⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 130. Л. 85.

²⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 122. Л. 68, 70.

- ²⁹ Гребенников В.Г., Пчелинцев О.С. История научного поиска, прерванного «шоковой терапией» // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 8.
- ³⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 124. Л. 25.
- ³¹ Там же. Л. 62–64.
- ³² Там же. Л. 75.
- ³³ Там же. Л. 57.
- ³⁴ Там же. Л. 31.
- ³⁵ Там же. Л. 36.
- ³⁶ Там же. Л. 57–60.
- ³⁷ Там же. Л. 44, 45.
- ³⁸ Там же. Л. 95–97.
- ³⁹ Там же. Л. 102–105
- ⁴⁰ Горюнов И. Крест над Россией // Поиск (Москва). 2002. 19 апр.
- ⁴¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 146. Л. 37–47.
- ⁴² Там же. Л. 53.
- ⁴³ Шмелев Н. Расплата за «авансы и долги» // Московский комсомолец. 2009. 24 сент.
- ⁴⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 146. Л. 61.
- ⁴⁵ Там же. Л. 61.
- ⁴⁶ Там же. Л. 76, 90–91.
- ⁴⁷ Там же. Л. 103.
- ⁴⁸ Там же. Л. 103.
- ⁴⁹ Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 704. Л. 204.
- ⁵⁰ Губарев В. Академик Владимир Фортов: «Наука сегодня держится на голом интересе и инерции» // Столетие (Москва). 2013. 4 июня.
- ⁵¹ Гапонов-Грехов А.В. Наука низкого уровня – это вообще не наука // Известия (Москва). 1998. 10 янв.
- ⁵² Райкова Д.Д. Ученые о государственной научно-технической политике // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 10. С. 926.
- ⁵³ Основные достижения Российской академии наук в 1998 году: Вступительное слово президента РАН академика Ю.С. Осипова // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 8. С. 683; АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 385. Л. 19, 30.
- ⁵⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 385. Л. 31.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бодрова Елена Владимировна – докт. ист. наук, профессор, МИРЭА–Российский технологический университет (Москва)
evbodrova@mail.ru

В статье на основе неизвестных документов, хранящихся в Архиве Российской академии наук, рассматривается проблема взаимодействия академического сообщества и власти. Основное внимание автор уделяет оценкам и точкам зрения, сложившимся в середине 1990-х гг. у ведущих российских ученых относительно концепции, механизмов, методов про-

ведения в России либеральных экономических реформ, а также их итогов и последствий.

Среди оценок, как показано в статье, преобладали негативные и пессимистические. Особенно острой критике со стороны ведущих ученых подвергались: отказ реформаторов от государственного регулирования, инициированная ими криминальная приватизация, развал производства, недофинансирование науки и образования, резкое социальное расслоение и бедственное положение значительной части общества. Академики вынуждены были признать как отсутствие у реформаторов научно обоснованной программы преобразований, так и опасность для страны избранной ими с помощью зарубежных экспертов стратегии социально-экономического развития страны.

Обсуждения и дискуссии о кризисном положении в экономике, социальной сфере и науке, которые проходили в Российской академии наук, в полной мере отразили, с одной стороны, определенную беспомощность российских ученых-экономистов, признание ими невозможности повлиять на решения правительства. С другой – желание академического сообщества разработать как систему конкретных и безотлагательных мер для выхода из тяжелейшего кризиса, так и долгосрочную стратегию научно-технического развития России. Однако академики вынуждены были констатировалось нежелание правительственной бюрократии сотрудничать с научным сообществом, предлагаемые проекты ученых чиновниками высокого ранга игнорировались.

Либерализм, реформаторство, либеральная реформа, Российская академия наук, академическое сообщество, научное сообщество, бюрократия, системный кризис, антикризисная стратегия, Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bodrova, E.V.; Kalinov, V.V. Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere aviastroyeniya [The Evolution of the State Policy of the Russian Federation in the Aircraft Industry.]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 18, pp. 207–210. (In Russian).

2. Bodrova, E.V.; Kalinov, V.V. Reformation of the Scientific and Technical Sphere in the Russian Federation in the “Transition Period”: Plans and Reality in 1990s. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi = Journal of History Culture and Art Research*, 2017, vol. 6, no. 5, pp. 192–199. (In English).

3. Grebennikov, V.G.; Pchelintsev, O.S. Istoriya nauchnogo poiska, prervannogo “shokovoy terapiyey” [A History of Scientific Inquiry Cut Short by “Shock Therapy”]. *Problemy prognozirovaniya*, 2004, no. 5, pp. 4–10. (In Russian).

4. Leontyev, A.I.; Mostinskiy, I.L. Vydayushchiysya teplofizik i energetik: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika M.A. Styrikovicha [An Outstanding Thermophysicist and Power Engineer: On the 100th Anniversary of the Birth

of Academician Mikhail A. Styrikovich.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2002, vol. 72, no. 10, pp. 920–926. (In Russian).

5. Manturov, D.V. Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techeniye 25 let: Chast 1. Promyshlennost 1990-kh gg. [Twenty-Five Years of State Regulation of Industry: Part 1. Industry in the 1990s.]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, 2016, no. 3, pp. 31–48. (In Russian).

6. Osipov, G.V. Mify ukhodyashchego vremeni [The Myths of Passing Time.]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no. 6, pp. 3–14. (In Russian).

7. Raykova, D.D. Uchenye o gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy politike [Scientists on the Scientific and Technical Policy of the State.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1998, vol. 68, no. 10, pp. 924–929. (In Russian).

(Monographs)

8. Kodin, M.I. Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsialno-ekonomicheskikh i sotsialno-politicheskikh preobrazovaniy v Rossii v kontse XX veka: 1990 – 2000 gg. [Theoretical and Methodological Problems of Socio-Economic and Socio-Political Reforms in Russia at the End of the 20th Century, 1990 – 2000.]. Moscow, 2002, 211 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Elena V. Bodrova – Doctor of History, Professor, MIREA–Russian Technological University (Moscow, Russia)
evbodrova@mail.ru

The article based on unfamiliar documents from the archives of the Russian Academy of Sciences examines the problem of interaction between the academic community and the power. The author focuses on views and assessments shared by the leading Russian scholars in the mid-1990s as to the conception, mechanisms and methods of liberal economic reforms as well as their outcomes and consequences.

The analysis reveals the prevalence of negative and pessimistic assessments. The criticism was primarily directed against the rejection by the reformers of government regulation, the criminal privatization launched by them, production breakdown, underfinanced science and education, dramatic social disintegration and the impoverishment of a considerable part of the population. The Academy's scholars had to acknowledge the fact that the reformers did not have any theoretically grounded transformation programme as well as the danger in which they put the country by choosing their strategy of social and economic development with the help of foreign experts.

The debates and discussions about the critical state in economics, social sphere and science which were held at the Russian Academy of Sciences manifested the research economists' inefficacy and failure to influence the government policy, on the one hand, and on the other, the eagerness of the

academic community to devise both a system of urgent specific measures to resolve the severe crisis, and a long-term strategy for Russia's scientific and technological development. However, the academicians had to confront with the government bureaucracy's reluctance to cooperate with the academic community, with the top officials ignoring their projects.

Liberalism, reformism, liberal reform, Russian Academy of Sciences, academic community, scientific community, bureaucracy, systemic crisis, anti-crisis strategy, President Boris N. Yeltsin, Yegor T. Gaidar.